

Отечественный джаз сегодня в кризисе. Не во внутреннем — здесь как раз появляется много интересного. Просто джаз разделяет тяготы экономического кризиса, охватившего страну. Меньше концертов, сведены к минимуму гастроли, почти не выходят пластинки. Многие музыканты видят спасение в работе за рубежом.

Вячеслав Ганелин, одна из звезд советского джаза 70—80-х, выбрал эмиграцию. Но его постоянно тянет в Россию; он дал согласие участвовать в международном джазовом фестивале в Москве, который состоится в начале 1993 года.

Несколько месяцев назад я встретился с Ганелиным у него дома в Холоне — пригороде Тель-Авива.

— В октябре 1987 года ты покинул Россию...

— И стал жить, в общем, неподалеку, в восточном Средиземноморье. Шарик-то маленький.

— Для нас ты все равно свой. Но если твоя карьера в Союзе была на виду, сейчас мы питаемся слухами. Как ты адаптировался к новым условиям?

— Я понимал, куда еду. Был готов даже к тому, что вообще не буду здесь музыкантом. Оказалось, меня в Израиле довольно хорошо знали. Через пару недель после моего приезда в Тель-Авив друзья отвезли нас в Эйлат, где начинался международный джаз-фестиваль. А там договорились с организаторами, естественно, не ожидавшими моего появления, что меня выпустят на сцену с получасовой программой. И снова — пресса, интервью, приглашения выступать в джаз-клубах, «марафонах» (это такие мини-фестивали, когда ансамбль за ансамблем играют много часов подряд)...

Вскоре я близко познакомился с израильскими джазистами. Тут много спорного, но общий уровень весьма высок: десятки, если не сотни музыкантов — выпускники знаменитого джазового Беркли-колледжа в Бостоне. Преобладает «главное течение» в том виде, какой сложился в мировом джазе к 70—80-м годам. Есть немного «востока» — у тех музыкантов, которые приехали из Северной Африки, Йемена, Ирана. Израиль — это просто новый Вавилон с его «смещением языков» и многоцветьем культурных традиций...

Итак, внимание ко мне было проявлено. Сначала. Ну а потом надо было действовать самостоятельно. И вот тут меня ожидали разного рода сюрпризы. Например, я должен был составить нечто вроде анкеты с перечислением своих заслуг и успехов, хвалебными отзывами — лучше из газет калибра «Нью-Йорк таймс», разложить все это и всюду рассылать.

Мне сначала показалось это уничижительным: в Союзе ничего подобного не было. Нужно наше искусство — берите. Не нужно — дома посидим. Мои друзья уговаривали меня: не волнуйся, это нормально, тут все предлагается. Иначе останешься в тени...

— Ваш первый израильский состав — трио с саксофонистом Борисом Гаммером и ударником Микой Марковичем выглядит калкой с трио Ганелин—Тарасов—Чекасина...

— Он просуществовал недолго. Более стабильным оказался второй состав — с контрабасистом Виктором Фонаревым, заменившим Гаммера. В нем я, пожалуй, еще более «симфонизировал» свою музыку. Это ведь моя старая идея: современное звучание (ничем, в сущности, не отличающееся от камерной или симфонической музыки), помноженное на джазовую импровизацию. Меня очень тянет к такому сплаву.

ВЯЧЕСЛАВ ГАНЕЛИН В НОВОМ ВАВИЛОНЕ

В Греции, например, я выступил с танцовщицей Анастасией Лира — она импровизировала авангардистские балетные па, я — музыку.

Я все дальше ухожу от джаза в традиционном понимании. Стремлюсь сохранить свинг — но в «моей» трактовке, импровизационность — но добавив красок, симфонизма. Все это дают новые, электронные инструменты, особенно те, что основаны на так называемых «сэмплерах». Получается естественное, «человеческое» звучание...

Использую я и компьютеры. Но в концертах почти не выступаю с ними — они сдерживают фантазию, саму идею спонтанного творчества на глазах у аудитории. Хотя я начинаю ощущать, что мне уже не хватает двух рук: как быстро я ни перескакиваю с одной электронной клавиатуры на другую, все-таки не успеваю. В голове рождается больше мыслей, чем я могу физически воплотить.

Эта техника, кстати, дает возможность работать не с нотной бумагой, а как бы сразу со звуком. Первый импульс всегда самый свежий. Ты владеешь тайной рождения красок, мелодий. И это дает тебе как композитору наивысшее наслаждение.

Мне заказали балет. Я и раньше быстро писал... Но вот сел за инструмент и — на одном дыхании — создал всю музыку от начала до конца. Тридцать минут. Скорость сочинения оказалась равна времени исполнения. В театре я потом боялся проговориться, что сочинил музыку за полчаса.

Я написал в Израиле также несколько детских мюзиклов, музыке к театральным постановкам, песни на иврите.

— А что с кино? В Союзе ты был весьма плодовитым кинокомпозитором.

— В Израиле у меня эти контакты лишь начинаются. А наиболее значительная работа была сделана для... «Мосфильма». Режиссер Константин Худяков (прежние наши работы — «Успех», «С вечера до полудня», «Претендент» и дру-

гие) заказал мне музыку к фильму «Мать Иисуса». Я сочинял ее на синтезаторе, выбрав соответствующие «хоровые» тембры. В Москве ее напела группа певцов из хора Владимира Минина.

— Твой приезд в Москву весной 1990 года, когда ты выступил с концертом в Союзе композиторов, связан с работой над этой киномузыкой?

— И с ней, и с еще одним проектом. Английский продюсер (бывший ленинградец) Лео Фейгин хотел снять меня для своей телесериала на четвертом канале Би-би-си. Увидел множество старых друзей, почувствовал тепло московской публики...

— Как ты живешь, чем дышишь — сегодня, сейчас?

— Многие эмигранты ноют: в России я был величиной, а здесь никто. У меня этого нет. Я, например, преподаю — надо зарабатывать на жизнь. Здесь нельзя преподавать тривиально — нужно все время придумывать новые ходы. В иерусалимской академии музыки я преподаю сольфеджио и фортепиано, в тель-авивской консерватории (это по сути музыкальная школа) — компьютерную композицию. Помню, как, еще не зная языка, пришел в класс. «Тебя дети научат...» Директору было важно, чтобы дети почувствовали свободу творчества, научились импровизировать, чтобы они не были консервативны в своих вкусах. Мои ученики увлеченно придумывают музыку, принтер тут же печатает ноты... Живое дело. И, кстати, детская фантазия подталкивает и мое собственное творчество.

Мне многое интересно. В последнее время придумал несколько «джинглей» (музыкальных рекламных телероликов): банк, новая газета и продуктовая фирма. Тут уж никого не обманешь — если нет стопроцентного попадания, ролик просто не будет передавать.

Вообще на Западе нет «низкой», обидной работы. Это за пять лет я усвоил хорошо.

Аркадий ПЕТРОВ